

Muzika. 1913, December 7, no. 159, pp. 839-840.

Музыка. 1913. 7 декабря, № 159. С. 839-840.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 490

This concert, which attracted countless listeners, confirmed the unshakable and enduring popularity of Rachmaninoff. The most interesting, large-scale, and valuable piece on the program is the new (2nd) piano sonata. Compared to the rather dry and formal First Sonata, the composer decisively moves forward in deepening the content in the Second. As always in such cases, Rachmaninoff's composition has a somewhat austere, even sombre, undertone. But behind this austerity lies a strength and a sympathetic restraint of expression. Moreover, in this sonata, it is pleasant to hear a distinct refreshment and expansion of the harmonic material and contrapuntal devices. It goes without saying that the pianistic side of the new composition is at a high level, and in it the composer often shines with the most ingenious uses of piano mechanics and sonority, which is especially interesting to observe in the melodic, figurative and rhythmic modifications of the middle variation section - generally the strongest, most inspired and formally beautiful section.

On the whole, the sonata, neither in its artistic content nor even in its technical aspect (meaning its specifically virtuoso content), can be considered a work that opens up new horizons in any respect. But, imprinted with all the qualities inherent in Rachmaninoff's best works, it will certainly occupy a prominent place in Russian literature. As for the public, having shown due respect and admiration for the new work of the beloved author, it greeted with much greater enthusiasm old acquaintances in the form of the Elegy, the Barcarolle, several favourite preludes, and also the romance "Lilacs," presented that evening in a new form of piano transcription, masterfully executed by the author, but not forsaking all the charm of the original. Among the pianists of the whole world, Rachmaninoff is in the first rank; equal to the greatest, "but only with a Russian soul." To talk about his interpretation (which is all the more remarkable if it is an auto-interpretation) is therefore superfluous.

[Translation: Google]

Этот концерт, привлёкший неисчислимое количество слушателей, подтвердил нерушимость и прочность Рахманиновской популярности. В программе концерта самое интересное, крупное и ценное — новая (2-я) фортепианная соната. По сравнению с сухой и формальной Первой сонатой - во Второй композитор решительно идет вперед по пути углубления содержания. Как всегда в подобных случаях, у Рахманинова композиция получила несколько суровый, даже угрюмый оттенок. Но за этой суровостью стоит сила и симпатичная сдержанность выражения. Кроме того, в этой сонате приятно слышать явственное освежение и расширение гармонического материала и контрапунктических приемов. Нечего и говорить, что собственно пианистическая сторона нового сочинения на большой высоте и в ней композитор нередко блистает остроумнейшими использованиями фортепианной механики и звучности, что особенно интересно наблюдать в мелодических, фигурационных и ритмических модификациях средней вариационной части — вообще самой сильной, самой вдохновенной и формально прекрасной части.

В целом - соната ни своим художественным содержанием, ни даже технической стороной (имея ввиду специфически виртуозное содержание) не может быть признана

сочинением, открывающим в каком-либо отношении новые горизонты. Но, будучи запечатлена всеми качествами, свойственными лучшим произведениям Рахманинова, она, конечно, займет видное место в отечественной литературе. Что касается публики, то, выказав должную дань уважения и восхищенности новому произведению любимого автора, она с гораздо большим увлечением приветствовала старых знакомых в виде Элегии, Баркаролы, некоторых излюбленных прелюдий, а также романса «Сирень», представшего в этот вечер в новом виде фортепианной транскрипции, мастерски сделанной автором, но не заставившей забыть всю прелесть оригинала. Среди пианистов всего мира Рахманинов в ряду первых; равный величайшим, «но только с русской душой». Говорить об его интерпретации (которая бывает тем более замечательной, если это автоинтерпретация), следовательно, излишне.